

Дмитрий Леонидович Березин

Дмитрий Березин

Дневник

сельского
фельдшера

Дмитрий Леонидович Березин

Дневник сельского фельдшера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68015806

ISBN 9785005693334

Аннотация

В наше время медицина находится в плачевном состоянии. Я вижу это изнутри, так как работаю в медицине. Не поворачивается язык назвать это здравоохранением. В здравоохранении не может быть такого понятия как медицинские услуги. Потому что охрана здоровья подразумевает оказание помощи, а не оказание услуг. Но это всё современный менеджмент. Берегите себя и будьте здоровы! С уважением, фельдшер. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Почему «фельдшер»?	5
Белая горячка	7
С чего всё началось?	10
А чудеса бывают! Надо только любить и верить	14
Вызов на первое ДТП	20
Два сгоревших КАМАЗа	28
Беременность от Святого духа или «не верьте женщинам!»	31
Криминальный аборт в деревне	36
Ночной вызов в РОВД	40
Карьерный рост	44
Трудовые будни	51
ДТП с участием скорой	54
Стрептодермия и «раковое вознаграждение»	58
Общее переохлаждение	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Дневник сельского фельдшера

**Дмитрий
Леонидович Березин**

© Дмитрий Леонидович Березин, 2023

ISBN 978-5-0056-9333-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Почему «фельдшер»?

1992 год. Богом забытое село где-то на Урале.

В тот год в конце апреля было очень тепло.

– А давай сезон купания откроем? – Предложил кто-то из друзей-мальчишек.

– Давай! – Тут же поддержали остальные, и пацаны побежали берегу реки.

Вода была ужасно холодная, но назад пути уже не было – никто из пацанов не хотел выглядеть слабовольным трусом. Нырнули все.

Вечером у меня заболело горло и поднялась температура. Проблема была еще в том, что в селе не было ни врача, ни фельдшера, ни даже медпункта. Моим лечением занялся мой папа. Он давал мне какие-то таблетки, заваривал малиновые листья и заставлял пить больше жидкости. К ночи я, измученный температурой и больным горлом, кое-как уснул. Проснулся в два часа ночи от жажды. Отец не спал. Он сидел на кухне и что-то читал.

– Пап, ты почему не спишь?

– Не спится сынок. – Ответил он. – У меня еще в молодости режим сбился, когда на скорой работал..

– Ты на скорой работал? – Для меня это было открыти-

ем. – Так ты врач что ли?

– Нет. Я был фельдшером.

– А кто это?

– Попей воды и ложись, а я тебе расскажу как я работал на скорой.

Через несколько дней я выздоровел и пошел в школу. Впечатленный рассказами отца, я решил, что буду фельдшером.

Белая горячка

Delirium tremens (лат.) – дословно «Помрачение трясущееся, бредовая тряска». По-русски Алкогольный делирий («белая горячка», «белка»).

Впервые я встретился с «белкой», случившейся у соседа. Мне было 13 лет. Жили мы в деревне. Сосед, дед Вася, овдовев летом, ушел в запой. Прошла осень, новый год и январь.

Если есть среди читателей деревенские жители, то они знают, что коровы в деревнях телятся в основном в феврале-марте. Поэтому очень часто телятам дают клички «Мартик», «Марта», «Февралька». Иногда, правда, бывают исключения в виде «Апрельки» и «Майки».

Вот и мы ждали, что вот-вот наша корова по прозвищу «Ночка» должна принести нам пополнение в виде «Февральки» или «Мартика». (Забегая вперёд, скажу, что принесла она «Дочку»).

Дед Вася ночью постучался к нам в окно.

– Сосед! Твоя корова что ли там у меня под верстаком отелилась? – Прокричал он в окно. Выходи! Давай, его в дом занесём! Замёрзнет ведь! (На улице действительно был мороз около -25°).

Мой отец, который часто не спал ночами (работа на скорой в молодости сбила режим), поднялся и, без «задней мысли» вышел посмотреть, что там происходит.

Он вернулся примерно через два часа. Сел возле печки, закурил.

Я уже не спал. Выбрался из-под одеяла и вышел на кухню.

– Ну что, пап? Бычок или тёлочка?

Отец сидел хмурый, задумчивый (далее с его слов):

– Допился дед Вася. Я вышел, а он с топором стоит на улице. Говорит мне: «Ты видел тут сейчас мужики на лошадях скакали!? Через мой двор! Чуть меня не истоптали! Заводи мотоцикл! Сейчас мы их догоним, и я их топором изрублю!»

Горячка белая, сразу понял я, да ещё и такая серьезная, что он с топором «бегает за всадниками».

Я ему говорю:

– Дядь Вась. Ты про телёнка говорил. Пойдем посмотрим?

И давай я топор поддержку пока.

Дед отдал оружие, и мы зашли к нему во двор.

– Вот! Ваша корова, наверное, отелилась? – Показал дед на пустое место под верстаком.

– Точно! Наша. – заверил его отец. – А ты, дядь Вась, сколько бутылок водки-то купил?

– Девять!

– А сколько выпил из них?

– Тринадцать... Заводи мотоцикл! Погнали догонять, они же на лошадях!

В доме деда Васи всюду валялись пустые бутылки. Початых и «свежевыпитых» среди них не было. Значит все сходится – несколько дней уже не пьет. Белка.

– Пошли в контору дядь Вась. Сейчас вызовем милицию, и всех поймаем! Вдвоем мы не справимся.

В нашей деревне не было ни ФАПа с фельдшером, ни телефона, чтоб скорую вызвать. Была только рация «Лён» в конторе отделения, по которой можно было связаться с центральным отделением (селом), в котором уже была участковая больница со скорой.

Дождавшись в конторе скорую, отец передал деда в руки медиков и вернулся домой.

Естественно, деда госпитализировали, а мы с отцом ходили каждый день печь топить у него в доме, чтобы дом не выстудился, и картошка в подполье не замёрзла.

Деда выписали через три-четыре дня, и он вернулся домой. Про «белку» он не вспоминал, сомневаюсь, что он что-то помнил. Ещё легко отделался. Бывают гораздо страшнее психозы с ужасными последствиями.

С чего всё началось?

В 2003 году через две недели после окончания медицинского училища по специальности «лечебное дело» я уже работал на скорой помощи в ЦРБ (центральная районная больница) одного из сёл нашей Родины.

В той ЦРБ была не станция и даже не подстанция, а отделение скорой помощи, совмещённое с приемным покоем.

Работа была организована там следующим образом.

Всего в штате было восемь фельдшеров (один из них старший) и медсестра. В будние дни до 17.00 в отделении находилась медсестра, которая принимала вызова, заполняла «истории болезни» на поступающих больных в стационары и дневной фельдшер, который ездил (а) на вызова. В ночь (с 17.00 до 9.00) приходили ночные фельдшера и дежурный врач. Вся работа в ночное время ложилась на них (прием и обслуживание вызовов, прием по самообращениям, перевязки, обработка и стерилизация инструментария и т.п.). В выходные фельдшера заступали на сутки.

Навсегда запомнил свой первый вызов.

Было 14 июля. Я пришел первый день на работу по своей специальности.

08.39

– Здравствуйте! Я ваш новый фельдшер. Сегодня я первый день. – Сказал я зайдя в приемник.

– Привет. Я Лена. – Ответила мне женщина с добрым лицом. На вид ей около 30—35 лет. – Тебе как раз вызов уже предстоит. Короче, звонила женщина, говорит, что у неё свёкор вчера пришёл домой, сел на кухне и до сих пор сидит. Не двигается. А подходить она к нему боится... Съезди, глянь что там...

– Эм..., я? Один? – промямлил я неуверенно

– Ну что ты? Конечно не один! С водителем!!! – ответила Лена.

Я не понял шутка это такая или серьезно, но времени выяснять не было.

К отделению подъехала «буханка». Водитель представился:

– Дядя Толя! – и улыбнулся.

Неплохо все началось – подумал я. Посмотрим как будет дальше...

На вызове нас встретила женщина примерно 30 лет.

– Проходите. Он там, на кухне. Вчера пришёл пьяный, сел, выпил... И до сих пор сидит. Не пойму дышит или нет.

На кухне положив голову на руку сидел мужчина.

Подойдя к нему, я тронул его за плечо и тут же ощутил, что такое трупное окоченение.

Нет, я не испугался и не испытал отвращения. Как-то скверно стало на душе. Как-то не очень хорошо началась моя карьера. А еще я не знал, что мне дальше делать.

– ...Он мёртвый- сказал я.

– Мёртвый? Как... мёртвый? – спросила сноха усопшего.

– Мертвее не бывает. – Ответил я и стал более тщательно осматривать труп, на предмет признаков насильственной смерти. Никаких видимых причин насильственной смерти я не обнаружил. Сказав снохе чтоб ничего не трогала, вышел к водителю. Что делать дальше я не представлял вообще.

– Дядь Толь. – сказал я водителю. – Он там помер. Что теперь дальше делать? Сообщить в больницу, милицию?

Дядя Толя по старенькой рации под названием «Лён» попытался безрезультатно докричаться до отделения. Сноха сказала что скорую вызывала от соседей, и можно позвонить от них. Когда я сообщил о произошедшем на скорую и в милицию, нам «дали добро» возвращаться.

Потом поехали на избитого пьяного, потом бабушка с бронхиальной астмой, больной живот, температурающий ребенок и что-то еще.

К вечеру, когда меня, «свежеобстрелянного фельдшера» переполняли эмоции от своей деятельности, поступил вызов в РОВД на «белку».

Ооооо!! Это было что-то!

Белая горячка наступает, обычно, на третий-пятый день после отказа от алкоголя после запоя. Запой может длиться от нескольких дней, до нескольких лет.

Несколько дней назад мужика задержали и поместили в КПЗ, где его и навестила «белка».

Картина предо мной предстала следующая.

В камере предварительного заключения на коленях стоял мужик и громко кричал :

– Лаура! Я люблю тебя! Не бросай меня! Не уходи к «Бороде»...

И еще говорил что-то про родственников, которые якобы спрятались под полами. Потом внезапно затихал, но начинал ковырять ногтями пол, пытаясь «отковырять» трясущимися руками монетки, которые видел только он.

Сколько потом мне пришлось встретиться с «белыми и горячими» не счесть. Но тот, первый вызов на белку, я помню очень хорошо.

Стоит признать, что, несмотря на порой очень смешное поведение больных в белой горячке, это очень грозное состояние. Очень много смертей наступает именно в делириозных состояниях (алкогольный делирий – белая горячка). Потому что из-за неадекватного поведения больного, легко можно проглядеть серьезную патологию (инфаркт, инсульт, внутреннее кровотечение, травму, отек мозга, пневмонию и т.д.) Поэтому на белку всегда вызывайте скорую и будьте готовы к госпитализации в специализированный стационар.

А чудеса бывают! Надо только любить и верить

Этот случай я рассказываю всем потерявшим веру в свое исцеление или исцеление своего близкого. Определение «случай» тут не совсем уместно, поскольку длился он несколько лет. Рекомендуется к прочтению всем слабонервным.

26 июля 2003 года. Восемь дней назад я начал работать на скорой. А сегодня меня отправляют в командировку в соседний областной центр – сопровождать тяжелого больного из нейрохирургического онкодиспансера.

Предыстория.

В районном селе, где мне довелось начать свой трудовой путь, жила обычная семья. Муж, жена и двое детей. Мальчик и девочка. На тот момент детям было 15 и 13 лет соответственно. Так случилось, что мальчик родился с гидроцефалией.

Гидроцефалия – это водянка головного мозга. В нашем головном мозге имеются желудочки, в них находится жидкость (ликвор), этот самый ликвор должен через систему кровеносных сосудов «откачиваться» из желудочков мозга. Так вот когда жидкость плохо откачивается по каким-либо причинам, тогда и возникает гидроцефалия.

Лечение гидроцефалии хирургическое. В желудочки мозга вставляют шунт (трубочку) и выводят её брюшную или грудную полость, тем самым обеспечивая отток лишнего ликвора из мозга и снижая негативные последствия этой самой гидроцефалии (судороги, потеря зрения, головные боли, головокружения и т.д.).

В случае с мальчиком (пусть он будет Вася), была проведена именно такая операция ещё в раннем детстве (шунт был выведен в брюшную полость). И всё было хорошо. Вася рос и развивался как все его сверстники до 15 лет. Но у Васи случился аппендицит, а после перитонит (воспаление брюшной полости). И по этому самому шунту инфекция поднялась в желудочки мозга.

Развился венитрикулит (воспаление желудочков мозга), его госпитализировали сделали трепанацию черепа. Не очень удачно. После у ребенка развился энцефалит и менингит...

В тяжелейшем состоянии Васю бригадой реаниматологов доставили в нейрохирургический онкодиспансер, так как предстояло много операций на головном мозге.

Сколько он там пробыл, и сколько ему было сделано операций, я не знаю. Однако все закончилось плохо. Нет, он не умер, он остался живым. Но после проведенных операций ребенок стал почти овощем (согласен, что очень циничное и жестокое сравнение, но иначе не скажешь).

Далее пишу то, что мне пришлось увидеть своими глазами

и что мне пришлось испытать.

Выехали в 5.00 (на «буханке» конечно) и около обеда были на месте. Был выходной день. Из персонала стационара был только дежурный врач. На мой вопрос о необходимости приема какого-либо лекарства за время транспортировки больного он мне сухо ответил:

– Ну сделаете кеторол, или сибазон если судороги будут... Дальнейшее пребывание в стационаре не показано. Больной нуждается в уходе.

Пока ребенок находился в стационаре за ним ухаживал его отец. Мама и сестрёнка приехали с нами.

Мальчик лежал в палате. Это было очень страшное зрелище. Его поза была на боку, голова запрокинута назад до такой степени, что был приоткрыт рот, правая нога была согнута в колене и подтянута к животу, левая нога вытянута и стопа неестественно вывернута. Пятка была плотно прижата к матрасу. Одна рука согнута в локте лежала под туловищем, другая была также как и нога неестественно вывернута и пальцы растопырены. На его голове в некоторых местах были выстрижены волосы – память о трепанациях. Стоял подключичный катетер и желудочный зонд. Но самое страшное было то, что он был в сознании. Его глаза были открыты, он редко ими моргал и смотрел в одну точку. В его взгляде была боль и страдание.

А ещё во взгляде была усталость как у пожилых людей. Я никогда не забуду этот взгляд. Никогда.

Рядом с ним сидела его сестрёнка, держала его за руку, что-то ему рассказывала вполголоса, а другой рукой выдавливала сок из дольки мандарина и капельками этого сока пыталась его напоить.

Ну что ж. Надо ехать. Домой.

На носилках. В буханке. По жаре. 500 километров.

У Васи, видимо на фоне перенесенных операций, отказала терморегулирующая система. Его то знобило, то он покрывался потом. Давление было 150/120 (никогда больше не сталкивался с таким) и пульс 100—120 в минуту. Тогда я думал: «Хоть бы довезти его живым. Состояние очень тяжёлое, сейчас его „просквозит“, присоединится пневмония и всё...»

Домой мы приехали к 22.00.

Когда Васю занесли домой, то я уходя подумал, что Васе осталось недолго.

Через два дня я, находясь на дежурстве, приехал к нему уже на судороги. Вернее они уже прошли и Вася только вздрагивал и смотрел перед собой. Когда я ставил ему сибазон он стонал:

– м-м-mmm-оо...

А делал ему укол я в бедро, поскольку в ягодицу тяжёлым больным нежелательно – чревато развитием пролежней.

Через несколько месяцев меня назначили заведовать участковой больницей, и я уехал из райцентра на периферию.

Прошло два года. Случилось так, что я заболел сам и лечился на дневном стационаре в терапии ЦРБ. Лежу я под капельницей. Вдруг в палату на инвалидной коляске заезжает паренёк, останавливается, смотрит на меня некоторое время и улыбается. Потом едет дальше к своей кровати. Его лицо мне показалось очень знакомым. Следом за ним в палату зашёл мужчина и направился к пареньку.

Ёлки-палки! Да это же папа Васи. И парень этот Вася и есть!

– Здравствуйте! Помните меня? – спросил я у мужчины. Вася услышал меня, улыбнулся и посмотрел на отца. Отец несколько секунд смотрел на меня, морщил лоб, потом произнес:

– А! Вспомнил! Вы нас сопровождали из нейрохирургии.

– Слушайте, я поражен.– Начал было я.– Как такое возможно? Ведь Вам даже профессор там сказал что Вася навсегда останется таким, каким мы его забирали...

Отец посмотрел на меня очень серьезно и сказал всего одну фразу:

– Любовь и Вера творят чудеса...

Больше я ничего не спрашивал, а только наблюдал за ними. Как я понял, у Васи отсутствовала речь на тот момент, но они с отцом прекрасно понимали друг друга, читали книгу, пытались рисовать, отец ему что-то рассказывал.

Прошел ещё год. Мне надо было пройти диспансеризацию. Я стоял в очереди к невропатологу «для галочки». Сто-

ящий впереди парень повернулся ко мне и спросил улыбаясь:

– Здравствуйте! Помните меня?

Конечно помню, Вася! Конечно помню!!!

Вот так бывает.

Теперь, когда я сталкиваюсь с потерявшими надежду людьми, я рассказываю эту историю. А для себя я сделал вывод:

НИКОГДА НЕ СДАВАТЬСЯ ибо Любовь и Вера творят чудеса!

Вызов на первое ДТП

Я, совсем недавно закончивший медицинское училище, приехал работать в центральную районную больницу. Устроился фельдшером в отделение скорой помощи. Да-да. Именно отделение. Не станция, не подстанция, и даже не больница.

И началась моя медицинская карьера... (Карьера? Какая может быть карьера у фельдшера? Бред какой-то).

И потянулась моя медицинская деятельность (так будет правильнее).

Отделение наше выполняло функции скорой помощи и приемного покоя одновременно. В рабочее время персонал отделения был представлен двумя фельдшерами, один из которых был старший, второй ездил на вызовы. Также была санитарка и медсестра, которая принимала вызовы, осматривала поступающих больных на чесотку и педикулёз, заводила истории болезни (причем во все отделения, хоть хирургию, хоть в детское).. В ночь заступал дежурный врач и два линейных фельдшера, которые ездили на вызовы, принимали поступающих больных, оказывали амбулаторную помощь в приемном покое, проводили обработку инструментов и т. д.

Поскольку, я только что устроился и был на испытательном сроке, то работал я в день и на пятидневке, иногда за-

ступал в ночные дежурства (обычно в пятницу, нетрудно догадаться почему).

...

2003 год. Лето. День.

К нам в отделение вбежал незнакомый парень.

– Извините, а тут скорая, да? – Несколько взволнованно спросил он.

– Да. – Ответил я.

– На трассе авария. Две машины столкнулись, есть пострадавшие!

– Дима, звони в гараж, пусть Фёдор подъезжает! – Сразу же сказала мне старший фельдшер Ольга.

– Мы можем подвезти. – Сказал парень. – Мы на машине. Так быстрее будет!

– Бери сумку, езжай с ними. – Сказала Ольга. – Скорая поедет следом.

Я взял нашу сумку и поехал с ребятами на «семёрке».

Я – один фельдшер и даже не на скорой. С одной сумкой и одной ампулой Н.А.¹

– «Девяносто девятая» с «шестеркой» стукнулись. – Говорил мне тот же парень, пока мы ехали до места ДТП. – «Девять девять» перед нами шла. Примерно 120—130 километров в час, а «шестерка» навстречу...

– Шестерка на «встречку» выехала! – Перебил его второй парень. – Сцепились они на нашей полосе и закрутились!

---

¹ Наркотический анальгетик

Там в одной машине вроде бы ребенок есть! (слава Богу он ошибся).

Честно говоря, я ехал на ДТП и даже не представлял, что я там буду делать. До места ДТП было одиннадцать километров.

Когда мы подъехали, то я увидел две, «в хлам» искоруженные машины, которые почему-то стояли на разных обочинах. Уже стояла машина ДПС с мигалкой, суетились милиционеры и какие-то люди. Чуть подалее стояла Газель-фургон.

Мы остановились и вышел из машины. Поскольку я подъехал не на скорой, то на меня сначала никто не обратил внимания, несмотря даже на то, что на мне был надет белый халат. Я направился к ближайшему пострадавшему – лежащей на земле женщине.

– Помогите! Помогите мне! – Кричала она, глядя в небо.

Кровь на ее волосах и лице уже подсохла. Один глаз был залит кровью. Оба её плеча были сломаны.

«Сломаны, да ещё и так, что даже давление не измерить» – Мелькнула у меня мысль.

Чуть дальше, около «девяносто девятой» лежал мужчина, стонал и корчился от боли. Рядом с ним сидела женщина:

– Саша..., Саша, не умирай. – Плача говорила она.

Мужчина перекатывался с боку на бок и стонал с закрытыми глазами:

– М-мм..

У него также были сломаны руки, а левая штанина была обильно пропитана кровью.

Переломы обоих предплечий и, скорее всего, открытый перелом левого бедра.

Что, кому и как делать в первую очередь? – Думал я.

Это только в медучилище на занятиях по «Медицине катастроф» все ясно и понятно. А тут паника, шум, гам! Рук не хватает!

Я решил, что состояние мужчины более тяжёлое, чем состояние женщины. У него был явный травматический шок. Надо обезболить, а из обезболивающего у меня была только одна ампула морфина.

– Давайте, я его ногу осматрю! – Сказал я, подходя к женщине и открывая скоровский чемодан. – Надо кровотечение остановить!

– Вы кто? – Она посмотрела на меня, увидела белый халат, и чемоданчик с лекарствами. – Студент что ли?

– Нет. Фельдшер. – Ответил я доставая ножницы. – На попутной машине приехал. Сейчас скорая подъедет.

Я уже разрезал штанину пострадавшему. В области нижней трети бедра была рана, с торчащей из неё бедренной костью. Кровотечение было уже несильным. Мышца бедра судорожно подёргивалась, ещё больше оголяя торчащую кость.

Сделал морфин.

На двоих больных, у одного меня рук явно не хватало.

Я надеялся, что Ольга тоже придет сюда, но водитель приехал один.

– Федя! Нужны шины, капельницы, носилки! – Крикнул я ему уже делая обезболивание.

Пострадавшая женщина увидела подъехавший УАЗик-скорую.

– Помогите! – Снова закричала она и сделала попытку ползти к скорой. Капающая с её головы кровь смешивалась с пылью на обочине. Сломанные в плечах руки не давали ей двигаться. И только тут я обратил внимание, что ее ноги, хоть и не в крови, но неестественно вывернуты.

Перелом костей таза. – Мелькнула мысль.

– Лежите! – Крикнул я ей. – Не двигайтесь! Только хуже себе сделаете!

Но она меня не слышала.

– Держите ее! – Крикнул я кому-то, кто был рядом. – Я сейчас... Мне надо шины наложить..., перебинтовать рану!

Не мог я бросить одного больного и заняться другим.

Водитель Федя уже развернул скорую, вытащил носилки. Я суетился с шинами, бинтовал рану, на коленях ползая по гравию вокруг больного.

– Сейчас... Мне зашинировать вас надо. – Я старался как можно быстрее зашинировать пострадавшего мужчину и поместить его на носилки. А еще мне надо было подключиться к вене, чтоб восполнять объем потерянной крови, пока я

за других возьмусь.

– Федя, шинируй женщину!

– Как? – Спросил Федя, прижимая к себе шину.

– Как умеешь! – Ответил я, выхватил у него шину Крамера, изогнул ее, приложил к руке женщины. – Бинтуй! Я «обезбол» наберу сейчас.

– Там ещё один пострадавший. – Услышал я у себя над головой.

– Ребенок? – Сразу же предположил я и оглянулся.

– Нет. – Над мной стоял гаишник и держал в руках автодокументы.

– Мужик. Вон, на противоположной обочине лежит.

На обочине, возле 2106 лежал мужчина. Голова его была неестественно вывернута кзади, глаза открыты, зрачки широкие. Дыхание отсутствовало.

Перелом шейных позвонков со смещением? – Я не знаю, когда его голова развернулась назад до такой степени. Может быть во время травмы, а может быть, когда его доставали из машины.

При его осмотре было понятно, что голова держится за туловище только при помощи мягких тканей. Шейный отдел позвоночника был сломан.

– Он мёртвый. – Сказал я гаишнику, осмотрев пострадавшего.

– Точно? – Спросил он. – А то сейчас вы уедете, а он живой окажется.

– Пульса нет, дыхания нет, зрачки широкие, тяжёлая травма, холодные кожные покровы... Он уже коченеет. – Я развернулся и побежал оказывать помощь первым двум пострадавшим.

Женщину и мужчину мы положили на пол УАЗика без носилок, иначе бы они не вместились; повезли в больницу.

Жена мужчины поехала с нами.

Заехали в районный центр, заработала рация.

– Везу двух тяжёлых. – Кричал я в рацию. – Множественные переломы, кровопотеря. Встречайте!

...

Мужчина умер в приемном покое.

Женщина прожила чуть дольше. Ушла на операционном столе.

...

Жена мужчины пришла через несколько дней за документами о смерти. Она рассказала, что не пострадала в ДТП, потому что ехала следом в той самой Газели, которая тоже была на месте ДТП. Они везли хоронить её брата, из города на его родину в село. Погибшие муж и свекровь ехали в ВАЗ-21099.

Погибший из ВАЗ-2106 ехал из села в город. Не справился с управлением, выехал на встречную...

...

Позже был разбор этого случая, меня всюду вызывали. К главному и к начмеду, к следователю и в прокуратуру. За-

давали вопросы, выискивали изъяны в моей работе, но никто меня ни разу не спросил:

«Каково это: оказаться одному на месте ДТП с тремя пострадавшими?»»

Два сгоревших КАМАЗа

Эта история произошла в августе 2003 года.

Август для России – арбузный месяц. Из Средней Азии на Урал, через Оренбургскую область тянутся караваны фур, груженых арбузами, дынями и прочими «вкусностями».

Так было и в этот раз.

Сумерки застали этот КамАЗ с прицепом около одного из сёл Южного Урала. В кабине было два водителя. Везли арбузы из Киргизии, рулили по очереди. Пока один водитель спал, второй, который был за рулём, почувствовав, что голова клонится на руль, тоже решил не испытывать судьбу. Остановился на обочине, заглушил двигатель и откинулся в кресле назад – поспать двадцать минут.

В это же время навстречу ехала другая фура. Возвращалась обратно, но везла уже бытовую химию.

Видимо, ее водитель тоже устал. Уснул за рулём, или как пишут сухие милицейские сводки – «не справился с рулевым управлением».

Фура выехала на полосу встречного движения затем на обочину и врезалась в тот самый припаркованный КамАЗ с арбузами. От удара оба КАМАЗа слетели в кювет и загорелись. Один из водителей фуры с арбузами погиб сразу, даже не проснувшись и не поняв, что произошло.

Двери кабины заклинило.

...

Телефонный звонок в отделение скорой помощи поступил из дежурной части РОВД. Дежурный сообщил об аварии на шестнадцатом километре от райцентра.

Я запрыгнул в УАЗик, и мы помчались. Сельская скорая представлена всего-то одним выездным фельдшером. По дороге мы обогнали пожарную машину.

Зарево пожара было видно за несколько километров.

На месте уже были сотрудники милиции.

Горело так, что нельзя было даже близко подойти.

Я увидел, как в зажатой кабине горящего КамАЗа по стеклу кулаком стучал человек. Видимо его там зажало, а может быть у него была травма, от которой он обессилел и не мог самостоятельно выбраться из машины.

– Саня! – кричал я милиционеру – там человек! Ещё живой! – и рванул в сторону горящего КамАЗа.

– Стой! Дурак! – Саня схватил меня за шею и отбросил назад. – Ещё и сам сгоришь! Сейчас «пожарка» подъедет, они его вытащат и тебе отдадут! Иди пока вон тем займись – виновником.

Уснувший водитель, виновный в аварии – успел выско-
чить из машины, сидел на обочине, хрипел и плевался кро-
вью. От удара он ударился об руль, потом машина перево-
рачивалась, его кидало по кабине. Сломал рёбра, разбил го-
лову и плечо. Давление 80/40. Травматический шок, да ещё
и с пневмогемотораксом¹ и разрывом лёгкого.

Один фельдшер. Два горящих КамАЗа. Ночь. Темнота. Пожар. Суета.

Подъехали пожарные. Потушили. Из КамАЗа достали два трупа.

Виновника ДТП я довёз до районной больницы. Он умер на операционном столе через час после госпитализации.

Беременность от Святого духа или «не верьте женщинам!»

Шёл второй месяц моей работы на скорой помощи в условиях сельской местности. И вот однажды ночью поступает вызов. Женщина 36 лет. Боли в животе.

Про женский живот можно говорить очень долго. В нём как под капотом иномарки – много всего. У мужчин живот устроен проще. Поэтому при диагностике абдоминальных болей у женщин приходится дифференцировать ещё и акушерско-гинекологическую патологию. У «скоровиков» есть даже такое выражение «круг почёта» – это значит, что женщину с непонятными болями в животе везут сначала в хирургию для исключения хирургической патологии и, если она исключается, то женщину везут в гинекологию (либо наоборот).

Вот почему самые непонятные случаи случаются именно ночью? В ночное время, примерно с 2.00 до 5.00, не то, что доктор, а даже больной не может толком понять, что происходит и не может толком сформулировать, что его беспокоит. Но, тем не менее, самые непонятные вызова именно в это время.

Так же было и в этот раз.

03.15

Приехав на вызов в частный деревенский дом, я обнаружил в нём самую больную женщину весьма повышенного питания и ее маму – бабушку примерно 60—65 лет.

Следов присутствия мужика в доме не наблюдалось от слова «совсем» и, видимо, «давно». Об этом красноречиво свидетельствовал покосившийся забор, сломанные электророзетки, криво вбитые гвозди для крепления полочек, занавесок и тому подобное.

– Здравствуйте. Что случилось? – как обычно спросил я, обращаясь к женщине.

Женщина глянула на бабушку, но не успела открыть рот, как ее мама ответила за неё:

– Вот, живот у неё болит.

Я немного удивился, что болеет взрослая женщина, а отвечает за неё мама. Как с ребенком.

– Давно болит? Как болит? Где именно болит? – Я начал стандартный опрос.

И снова бабушка ответила за неё:

– С вечера. Тянет.

Женщина лежала на кровати и молчала. Стало понятно, что мама здесь полный и беспрекословный авторитет. Что-то выяснить более подробно не получится, приступаю к осмотру живота.

Живот был мягкий, а женщина крупная и рыхлая. При глубокой пальпации живота определялась плотная беременная матка. Я молча обследовал живот всеми четырьмя аку-

шерскими приемами – сомнений не было. Беременность.

– А какой срок беременности-то? – спросил я.

Женщина испуганно смотрела на меня, боясь посмотреть в сторону матери.

Мама женщины, словно коршун с небес, или как клуша с цыплятами набросилась на меня:

– Какая беременность? О чем вы говорите? Она четыре года назад с мужем развелась! И нигде и ни с кем не встречалась! Приехал практикант! Ничего не понимает! Молодой, неопытный!

Я подумал: «Может быть я правда ошибся? Может быть правда молодой и неопытный?»

Снова смотрю живот. «Да блин! Беременная она!»

– Ну а Вы что скажете? – спросил я женщину.

– Нету у меня беременности...

Мама снова как клуша завелась про «маладойниопытнай практикан», и «куда у главврача глаза смотрють, када таких маладых на работу принимают?»

Понимаю, что маму мне не переубедить. Предлагаю поехать в больницу:

– Поехали в больницу. Там немолодые и опытные. И УЗИ есть, и лаборатория. Посмотрят «что там у вас с животами...»

В итоге к восьми утра родилась здоровая девочка с весом 3040 на сроке 38 недель.

Утром вся ЦРБ «шушукалась». Ещё бы! Райцентр неболь-

шой около 3—4 тысяч населения. Все друг другу почти соседи, а вот про беременность на протяжении 38 недель у почти соседки – никто не знал. Соответственно и обследование не проводилось. Женщина настолько сильно боялась свою маму, что не рассказала про беременность.

В 8.45 у главного врача на «пятиминутке» я докладывал об этом случае.

Районный гинеколог – суровая и злая женщина (все женщины-гинекологи злые), всю жизнь проработавшая в гинекологии и не имевшая собственных детей, задала мне вопрос, который беспокоил всех присутствующих:

– Вы опрашивали женщину на предмет половых связей, способствовавших возникновению беременности?

Как будто вот сейчас и здесь это самое главное. Мне захотелось рассмеяться, но я сдержался и решил отвечать соответственно, тем более, улыбающееся лицо главного врача способствовало этому.

– Да. Опрашивал. Она и ее мама категорически отрицали какие-либо связи с особями противоположного пола. Как и саму беременность.

Тут главный врач не выдержал и, чтоб не захохотать, уставился в какие-то бумаги на столе.

Тогда райгинеколог, значительно повысив голос, заявила мне (да и, похоже, не только мне):

– Юноша! Запомните раз и навсегда! Женщина – это такая СКОТИНА, которой вообще никогда в жизни нельзя ве-

ритель! ПОНЯТНО!?

– Так точно!

– Валентина Максимовна! – осадил её главный. – Не стоит избыточно драматизировать. В конце концов все остались живы. И мама, и ребенок. И это главное и радостное событие на данный момент. А то, что беременная не была обследована на протяжении беременности, такое бывает. В первый раз что ли такое? (на самом деле это действительно редкость). Слава Богу все обошлось. Если у тебя больше нечего добавить, то можешь идти – сказал он мне.

Вот и я думаю: Слава Богу что всё обошлось!

Криминальный аборт в деревне

Этот случай был еще в то время, когда я работал на скорой в ЦРБ.

Поступил вызов в соседнее село. Повод боли в животе. Женщина 30 лет.

Поехали. Я, уже наученный предыдущей историей собирая анамнез болей в женских животах, не верю женщинам совсем. Только свои мысли, свой опыт, и свои знания.

Кое-как нашли тот злополучный дом. В доме трое ребятшек. Погодки. Самому младшему около года. Вызывала их мама. Мама-одиночка. Она открыла мне ворота во двор, и пошла впереди меня в дом. Походка медленная, туловище наклонено вперед (из-за болей в животе).

– Здравствуйте! Что случилось? – как обычно начал я.

– Живот болит. – Сказала женщина. – Вот тут. – И указала на низ живота.

Так. С локализацией уже более или менее понятно

– Сами-то как считаете, отчего он у Вас болит? – спросил я.

– Не знаю... Уже пятый день болит. Никогда так долго не болел... – отвечает она.

– «Никогда так долго не болел» после чего? – уже подо-

зрелая что-то нехорошее спросил я.

Женщина, потупив взор, сказала тихо:

– После аборта...

«Та-а-а-ак. Вот тебе и, как говорится, „НА!“: Я тут, понимаете ли, еду к женщине на боли в животе, такой весь суровый, отмороженный юный фельдшер, с предубежденным отношением ко всем женщинам на свете. Намерен, во что бы то ни стало, не верить ей, что она там капустой несвежей отравилась, думала гастрит или воду таскала с речки и надорвалась. А она мне сразу про аборт! Да еще и не про первый!» Хотя предположение о капусте оказалось отчасти правдой.

Начинаю её «пытать» вопросами: когда делала прерывание беременности? На каком сроке. Где делала аборт? Какая по счету беременность и прочее, попутно осматривая живот, измеряя А/Д и температуру.

Живот был значительно напряжен, температура тела была 38,5 по Цельсию. Давление в пределах нормы.

Женщина собралась, и мы поехали в ЦРБ. По дороге на нее накатило желание исповедаться, и она начала рассказывать:

– Вот, одна я живу. Без мужа. Все дети у меня от разных мужиков. А беременность эта у меня была одиннадцатая. Ну не могу я больше трех детей иметь. Тяжело одной. Вот я и ре-

шила снова аборт сделать... Сама...

– Как, сама? – спросил я.

– Листья капустные скручивала в трубочку, и вставляла. Туда... – Немного смущаясь сказала она и продолжила – Всегда получалось, а в этот раз нет.

Наверное, капуста не того сорта была. Или не с той грядки...

Вот такие деяния называются Криминальным абортom.

Криминальный аборт – это искусственное прерывание беременности с согласия женщины, выполненное способом и в сроки, за которые предусмотрена уголовная ответственность.

Привез я её в приемное отделение, где её осмотрел дежурный врач. Вызвали гинеколога. Гинеколог после осмотра пациентки велела собирать операционную бригаду, поскольку диагноз был пельвиоперитонит.

Пельвиоперитонит – это воспаление брюшины (тонкой оболочки, покрывающей внутренние органы), ограниченное областью малого таза (нижней частью живота).

Вырезали ей там все что можно было. Слава Богу жива осталась. Тяжело бы ребятишкам пришлось, без мамки-то. Они же не виноваты, в том, что родились на свет.

Когда рассказываю эту историю кому-нибудь, то мне часто задают такой вопрос:

«Почему какая-нибудь благополучная семья не может завести ребенка. Не получается забеременеть? А тут, в этом

случае, все что не попадет в матку, то в детей превращается?».

Я не знаю ответа на этот вопрос. Видимо так надо.

Ночной вызов в РОВД

Вызов поступил около часу ночи. Звонил помощник дежурного нашего РОВД:

– Срочно! – Кричал он в трубку. – Срочно приезжайте! У нас задержанная повесилась! Она ещё живая!

Очередь ездить на вызовы была не моя.

– Дима, поехали вместе? – Попросила меня напарница. – Мне одной страшно!

Обычно, на вызовы в селе фельдшеры ездят по одному, но в этот раз, моя напарница Таня Волошина попросила меня съездить с ней.

– Поехали. Только дежурного врача надо в известность поставить. Он же тут в приемнике один останется. – Ответил я.

Мы быстро собрались и выехали. До отдела милиции доехали за четыре минуты.

В дежурной части, несмотря на поздний час, было шумно и людно.

– Быстрее, быстрее! – Кричал нам дежурный через стекло из дежурной части. – Что вы так долго ехали?

– Открывайте решетку! – Крикнул я ему в ответ.

– Сейчас..., ключ у помощника! Он ушёл... – ответил дежурный и схватил рацию:

– Второй, ёб... й рот! Ты где ходишь? Скорая приехала!

Надо отсекагель открыть!

Лежащая на столе в дежурной части вторила ему.

– Бл..дь!!! Он ещё и рацию тут оставил! – Дежурный открыл дверь в коридор и завопил что есть мочи.

– Саня! Са-аня! Скорая приехала!

Откуда-то из дальнего конца коридора, находящегося за решеткой слышался шум голосов, бряканье железных дверей, топот и шарканье ног по бетонному полу.

Оттуда выбежал запыхавшийся помощник. Он подбежал к решетке, начал быстро крутить ключ в замке.

– Быстрее, быстрее! – Она ещё вроде бы живая... Мы ей «искусственное дыхание» делали!

Мы с Таней быстро пошли по длинному темному коридору. В конце коридора находилась камера для содержания задержанных. Дверь в нее была открыта, а прямо на пороге лежала небольшого роста женщина примерно 45—50 лет на вид. Глаза ее были широко раскрыты, зрачки широкие. На шее характерный след от сдавления мягких тканей петлём – странгуляционная борозда. Дыхание и сердцебиение отсутствовали.

Пол, на котором она лежала был мокрым. Это милиционеры пытались безграмотно оказать ей помощь. Наверное, когда-то видели в фильмах, как человека возвращают в сознание, окатив ведром холодной воды.

Мы приступили к реанимации. При проведении непрямого массажа сердца, надавливая на грудную клетку женщины,

я чётко почувствовал крепитацию ребер.

«Ребра сломали пока её качать пытались!» – Подумал я, но ничего не сказал вслух.

Таня набрала адреналин.

– Где вену искать!? – Спросила она.

– Какую вену? – Ответил я. – Давай под язык!

– Может в сердце?

– Нет. Под язык. – Ответил я не переставая делать массаж. – Доставай воздуховод и «Амбушку»!

Таня, сделав адреналин, установила S-образный воздуховод и принялась за ИВЛ.

Уже на этом этапе была понятна неэффективность наших реанимационных мероприятий. Можно было предположить, что остановка сердца произошла как минимум около полутора часа назад.

Все что требовалось от нас в тот момент мы сделали. Через полчаса реанимационных мероприятий я констатировал биологическую смерть женщины.

– Что нам теперь делать? – Спросил меня дежурный, который наблюдал за нашими действиями.

– Вызывать милицию! – Злорадно ответил я, собирая и укладывая наше оборудование и использованные шприцы и ампулы. – Что ты у меня-то спрашиваешь? «Судебку» вызывайте, начальнику своему доложите, объяснительные всякие пишите!

– А вы её не заберёте что-ли? – Снова спросил он. – Про-

сто у нас такого ещё не случилось...

– Это только в кино скорая трупы забирает и увозит их с мигалками. – Ответил я.

Мы направились к выходу.

– Как она повесилась в камере? – Спросил я у помощника дежурного, когда он открывал нам решетку. – На чём?

– Полотенце порвала на ленты, связала их в верёвку, сделала петлю. – Ответил он.

– А за что она в камере привязала эту верёвку? – Недоумевал я.

– За дверную ручку. – Ответил он.

– Так ведь она там невысоко эта ручка-то... – Снова спросил я.

– Вот так. Сидя...

Мы возвращались в больницу.

– Ты знаешь, – сказал я Тане, – я впервые в жизни работал на вызове со вторым фельдшером.

– И я. – Ответила Таня. – Даже несмотря на такой сложный вызов, мне было легче и уверенней как-то...

И мы с Таней единогласно решили, что бригада скорой помощи должна состоять минимум из двух медработников.

Карьерный рост

Проработал я на скорой помощи шесть или семь месяцев.

Жили мы с женой и старшей дочерью в комнате общежития площадью восемнадцать квадратных метров. В январе 2004 у нас родилась вторая дочка. Пелёнки, прогулки, стирка, глажка. Места в комнате общежития мало, условий для стирки и сушки нет. Терпели и старались как могли.

Однажды утром, на «пятиминутке», когда я закончил доклад о прошедшем дежурстве, главный врач сказал мне чтобы я далеко не уходил, и зашёл после совещания к нему.

«Вот блиин!» Что я опять натворил? Где накосячил? Что сделал не так? Наверное кто-то из больных пожаловался, что, типа, не улыбнулся на вызове!» – думал я.

Уже перевспоминал все случаи, которые представляли потенциальную опасность и на каждый из них мысленно приготавливал объяснение.

В кабинете главного кроме него сидели еще заместитель главного врача по лечебной части (в простонародье – «начмед») и заместитель главного врача по организационно-методической работе (ОМР).

Все с интересом смотрели на меня, как будто видели впервые. Взгляды более менее доброжелательные.

Первым начал задавать вопросы главный:

– Тебе нравится тут работать?

– Да.., вроде бы ничо так... – начал отвечать я, все еще не понимая, что им от меня надо.

– А как насчет карьерного роста? – спросила уже начмед. Какой карьерный рост может быть у фельдшера скорой помощи? Максимум старшим фельдшером или плюсом повесят заведование складом гражданской обороны.

Всё. Вот и весь карьерный рост.

Фельдшер – это среднее специальное образование. С дипломом фельдшера и при наличии соответствующего сертификата можно работать либо на скорой, либо на фельдшерско-акушерском пункте (ФАПе) в селе (в здравпункте на заводе, автоколонне и т.п.).

– Что Вы имеете в виду? – спросил я.

– У нас в 35 километрах от райцентра есть село Боровское. В нём есть участковая больница, в которую нужен врач. Врачей нету. Вот мы посоветались, решили предложить тебе возглавить больницу.

– Так сразу..? Я еще даже одного года не проработал...

– Ну ты не торопись, подумай, посоветуйся дома. Можем с тобой съездить туда посмотреть что за больница. С главой администрации познакомишься.

Тут я начинаю что-то подозревать, не просто же так он про главу администрации начал:

– Жильё? – спросил я.

– Квартира там есть, двухкомнатная, но в ней нужен ремонт...

– Я подумаю. Разрешите идти?

– Иди. Будут вопросы обращайся.

Вот блин, задачку он мне задал – думал я. – Что теперь делать? Ладно, поговорю с женой, съезжу, посмотрю что там за больница, а там видно будет.

Жена, пожав плечами, сказала что поедет за мной хоть на край света, поэтому «думай сам».

Через неделю я решил, что настало время съездить и посмотреть больницу.

Больницей оказалось стандартное двухэтажное здание 1960 года постройки. В ней имелось:

– стационар на 20 койко-мест;

– амбулатория (с работающим зубным кабинетом, клинической лабораторией и акушерским кабинетом);

– кабинет ЛФК (недействующий, но в рабочем состоянии);

– кабинет физиолечения.

По штатному расписанию:

– заведующий (он же главный врач, он же зав отделением);

– фельдшер;

– 4 палатных медсестры;

– 4 палатных санитарки;

– старшая медсестра;

– акушерка;

– лаборант;

– детская медсестра;

- медсестра процедурного кабинета;
- зубной врач;
- две санитарки амбулатории;
- медсестра физкабинета;
- санитарка физкабинета;
- два повара;
- завхоз, сестра-хозяйка;
- водитель (тогда еще была УАЗ-буханка цвета хаки).

Итого 23 человека и автомобиль УАЗ.

Так что все было очень даже неплохо. На первый взгляд.

Квартира, в которой «нужен ремонт», представляла из себя жалкое зрелище. Хрущевка на втором этаже без окон и сантехники. Батарей отопления не было.

Я выдвинул требование:

- Отремонтируют квартиру – Приеду сюда работать.

Теперь следует сказать, что на скорую я был принят на декретную ставку. То есть на время декрета основного сотрудника. И вот, через два месяца после вышеописанных событий, наступает время, когда она собирается выходить из декрета.

Главный лично пришел на скорую:

- Ну что, Дима, безработным становишься?
- Похоже, что так...

Взвесив все «за» и «против», я решил перевестись.

Только вот вопрос с жильем так и оставался открытым. Главный предложил пожить пока в больнице и каждый день «наедать» органам местного самоуправления по поводу ремонта.

18-го мая 2004 года, в возрасте 22-х лет я уехал работать в деревню на должность «заведующего участковой больницей». Поселили меня в палате №1.

Жена с детьми осталась в районе пока не решится вопрос жильем. Но это уже другая история.

Вот так из фельдшера скорой помощи я «переквалифицировался» в сельского фельдшера.

Переночевал в палате больницы, только не в качестве больного, а в качестве «квартиранта-заведующего» (звучит смешно и неудобно).

Утром в 9.00 пятиминутка в кабинете заведующего. На неё пришли старшая медсестра, две палатные медсестры (сменяющаяся и заступающая). Доложили о прошедшем дежурстве. Стоит сказать, что палатные медсестры обрадовались, что я буду жить в больнице:

– Раньше приходилось идти санитарочке за фельдшером ночью, в случае необходимости (вдруг кому плохо станет, или кто-нибудь придет ночью за медпомощью), а теперь Вы тут у нас на постоянном дежурстве!

Первый обход отделения помню смутно. Больных в стационаре около 15 человек. В основном бабушки (ИБС, Гипер-

тония, ДЭП, артрозы-хондрозы и т.д.).

Достал все свои студенческие тетради, книги. Записался в местную библиотеку (не то что бы интернета не было, даже сотовых не было, да и проводная телефонная связь оставляла желать лучшего).

Библиотекарь, женщина примерно 45 лет, при заполнении формуляра, когда узнала мой возраст, воскликнула:

– Молодой-то какой! Опыт-то хоть есть?

– Нету. Придется всем терпеть.

Два месяца я прожил в больнице, а на выходные уезжал домой к жене и детям. Ремонт в квартире затянулся, а точнее не делался вообще. Начальник местного ЖКХ ссылался на отсутствие финансирования от главы администрации. Глава администрации ссылался на отсутствие финансирования из района.

Короче замкнутый круг, а люди болеют, их лечить все равно надо, даже если у врача нет квартиры. Так уж повелось в этой стране – «Consumer aliis inserviando» («Светя другим стораю сам» – латынь).

Но, как всегда, за меня вступился Его Величество Случай. Завхоз больницы, Анатолий Николаевич, переехал в дом на земле и освободил для меня муниципальную двухкомнатную квартиру (по соседству с той, «в которой нужен ремонт»).

Аллилуйя!!!

В июле месяце переехали в квартиру всей семьей. После

общежития это непередаваемо!! Места навалом! Отдельно детская, отдельно кухня и даже санузел свой!!! Балкон!!!!

И началась моя работа на участке в качестве сельского фельдшера, на должности «Заведующего сельской участковой больницей».

Помимо села, на участке было еще три населенных пункта (деревни), до самого дальнего было 25 км. Но это уже другая история.

Трудовые будни

В квартире мы сделали более или менее свежий ремонт: поклеили обои, побелили потолки.

Жена продолжила «сидеть в декрете», а я ежедневно ходил на работу. Благо что квартира была недалеко от работы – 3 минуты ходьбы. На обед приходил домой.

Рабочий день выглядел следующим образом:

– 9.00 – «пятиминутка»;

– 9.15 – 10.45 – обход отделения (кто как спал, у кого улучшилось самочувствие, у кого ухудшилось, кто уже на выписку просится и т.п.);

– 11.00 – 13.00 – амбулаторный прием;

– 13.00—14.00 – обед;

– 14.00—16.00 – амбулаторный прием;

– 16.00 – 18.00 заполнение историй болезней;

– 18.00 – 9.00 ургентное дежурство.

Ургентное дежурство было моим «постоянным спутником». Сейчас, по прошествии многих лет, я понимаю как меня здорово мучили:

– начальство (не предоставляя отпусков и отгулов, скрепя сердце оплачивая вызова в ночное время);

– больные (ночь-полночь, а помощь оказывать надо);

– совесть (ну тут уж без комментариев).

Был на участке один алкоголик, часто в состоянии алкогольного опьянения наносил себе порезы на предплечья. Причем резал чуть ниже локтевых сгибов по внутренней поверхности, там где до вен глубоко. Благодаря ему, я научился зашивать раны. Зашивал я его очень часто – не реже одного раза в месяц. В будущем мне это умение очень пригодилось (но об этом позже).

А однажды он очень здорово простудился, заработал пневмонию и попал ко мне в стационар на лечение.

Дело было зимой. Назовем нашего больного Лёхой.

На фоне отказа от алкоголя на третий-четвертый день к больному Лёхе забежала «белка».

Утром захожу с обходом в мужскую палату и вижу как Лёха пристально смотрит под кровать:

– Док! – не отводя глаз от кровати говорит он мне. – Сейчас я его поймаю! – И резко, как кот за мышью, бросается под кровать. Мужики, что лежали в этой палате (дедушки), высыпали в коридор с криками:

– Уберите его отсюда! Он всю ночь кого-то звал, гонял и ловил!

Понятно. Что тут непонятного. Позвал водителя Колю, завхоза Анатолия. Втроем мы скрутили Лёху и привязали его к кровати. Лёха извивался, бился, кричал что всех убьёт, трясся и покрывался липким потом – характерные признаки алкогольного делирия. Дело осложнялось еще наличием на его руках «свежезащитых» ран, гипертермией и одышкой.

Но мы справились. Лёха выздоровел и выписался через неделю.

Благополучно дожил до лета, потом уехал в соседний район и устроился там сторожить поле у какого-то фермера. Фермер выдал Лёхе ружье для охраны поля. Из этого ружья Лёха и застрелился...

Вот такая не очень веселая история получилась. Жаль, конечно, Лёху, хоть и дураком был, но не злым. Теперь каждый раз, когда мне приходится зашивать кому-нибудь рану, я рассказываю эту историю.

ДТП с участием скорой

Село, в котором мне пришлось приступить к самостоятельной медицинской деятельности, находилось в 35 километрах от райцентра, поэтому, для решения каких-либо вопросов касаемых работы, лекарств, документов, консультаций и тому подобного, приходилось ездить в ЦРБ на нашей «буханочке», которую мы называли либо громким словом СКОРАЯ, либо просто «хозяйка».

У нас на буханке тоже не было окон в задней части кузова – фургон.

Так же было и в этот раз. Выехали утром около 7.00 в составе: я, водитель, старшая медсестра, сестра-хозяйка, лаборант, двое стационарных больных на консультацию к узким специалистам.

Я ехал к районному терапевту – учиться писать истории болезни и вообще учиться вести стационар, поскольку опыта заведования отделением у меня не было. Да что уж говорить, вообще никакого опыта не было. Лаборант ехала получать реактивы, старшая медсестра получать медикаменты, сестра-хозяйка за бельем и расходными материалами.

На обратном пути прихватили с собой нашего участкового милиционера.

Не доезжая до нашего села около 5 километров, на перекрестке у соседнего села мы попали в ДТП.

Водитель Коля, неспеша рулил в сторону дома. За несколько метров до злополучного перекрестка мы увидели белый ВАЗ-2106, который двигался по второстепенной дороге слева нам на перерез.

«Ну едет себе и ладно, он нас должен пропустить, наша-то главная...» – подумали мы.

...БАМ...!

Удар пришелся в левый борт буханки, между передним и задним колесом. Послышался скрежет, заднюю ось нашего автомобиля занесло вправо, поставив его поперек дороги, он начал крениться на правую сторону (на мою сторону).

Начинаю понимать, что сейчас мы перевернемся, ремней безопасности в буханке нет, сгибаюсь пополам, зажимаю голову между колен и закрываю сверху руками.

...БУМ! – машина упала правый борт, послышался треск стекла, скрежет металла. Меня швырнуло к двери. Все что лежало в кабине – посыпалось на меня (ключи, болты, мелочевка, тряпки).

...БУМ! – машина перевернулась на крышу. Меня швырнуло на потолок и осыпало осколками ветрового стекла. Снова скрежет – машину развернуло на крыше, и все затихло на несколько секунд.

...тук-тук-тук... – услышал я стук своего сердца в ушах.

– Б... дь! Он что ли слепой!?, Я ему сейчас морду разобью! – Не выбирая выражений, закричал Коля.

Уже на этом моменте я понимал, что происшествие из ря-

да вон выходящее, что будет куча разбирательств и судов, поэтому выкатываясь через проем разбитого ветрового стекла, закричал:

– Коля не трогай его! Не вздумай его бить!

Коля немного успокоился. Я встал на ноги. Картина которая предстала перед глазами была ужасной.

Люди каким-то образом повывлетали из машины во время ДТП. Старшая медсестра лежала без сознания с открытыми глазами. Возле нее лежала раскрывшаяся сумка (китайский баул) с медикаментами, из которой просыпались желтые витаминки. На ее голове в области левого виска зияла рана из которой лилась кровь (в тот момент я предположил самое плохое). Пытался подняться участковый. Его неестественно вывернутая нога, говорила о переломе со смещением, лицо его также было в крови, он стонал с полузакрытыми глазами. Лаборант Анна Ивановна, сидела на земле, подогнув одну ногу под себя, а на ее другой ноге лежала наша скорая, придавив всем весом ногу к асфальту. От боли она раскачивалась взад-вперед и стонала сжав губы. Кто-то держался за руку, кто-то бегал, суетился. Все кричали.

Неподалеку, возле одной из опор ЛЭП, работала бригада электромонтеров, которые стали свидетелями нашего ДТП. Они быстро подскочили к нам, приподняли УАЗик, освободив ногу Анны Ивановны.

– ..там старшая шевелится..., подняться пытается..., – сказала мне сестра-хозяйка указывая на нее.

Старшая медсестра, лежа на земле пыталась поднять туловище, упираясь руками в землю, но руки подкашивались и она снова падала.

В сумке, из которой просыпались витаминки оказался рулон марли, из которого мы (кто мог двигаться и не пострадал) сделали бинты, косынки и сделали перевязки.

Это было летом 2004 года. Сотовой связи там тогда еще не было. На наше счастье следом за нами ехала скорая соседнего села, на которой мы доставили пострадавших в районную больницу. Четверых госпитализировали (старшую, лаборанта, водителя и участкового), остальным помощь оказали в приемном покое. Это я уже потом подумал, что они, сидя в салоне без окон, даже не видели, что машина в нас врезалась и не поняли что произошло.

Виновником ДТП оказался старенький дедушка, который ехал со своей бабушкой домой.

Я за медпомощью не обращался, не до того было. Слава Богу никто не погиб.

Вот так, на ровном месте, можно попасть в жуткие неприятности.

Стрептодермия и «раковое вознаграждение»

Август 2004. Сижу на амбулаторном приеме. Обратился мужчина 40 лет.

– Вот доктор, болячки у меня на ногах.– сказал он и закатал брюки до колен.

На обеих голених красовалось множество гнойников разных размеров. Запах был соответствующий.

– Уж чем только я не пробовал их лечить, – продолжил он, – и медом мазал, и дрожжами из под бражки, и подорожник прикладывал, и бараньим помётом (!!!), а оно всё равно не проходит, а только хуже становится. А я рыбак, ноги постоянно в сапогах и мокрые, вот и гниют.

– А «зелёнкой» мазать не пробовали? Да почаще! – спросил я.

– Неа..., а что, поможет?

– Ну, так-то, да! Но раз уж вы пришли на приём, то давайте назначу антибиотики в уколах. Походите недельку в процедурку, плюс пять-шесть раз в день обработка «зелёнкой» и ноги не мочить, а там посмотрим – сказал я.

– Ну ладно... – неуверенно сказал он, видимо ожидая, что я посоветую ещё какое-нибудь народное средство, типа компрессов из снега и поваренной соли.

Прошло две или три недели, и я забыл об этом случае.

И вот в очередной скучный день, перед обедом сижу в кабинете, заполняю истории болезни. Вдруг, внезапно без стука открывается дверь:

– Доктор! Это Вам! Спасибо!

И также быстро дверь закрывается.

Я даже не успел повернуть голову, чтобы посмотреть кто это. А когда посмотрел в сторону двери, то возле нее стоял пакет полный чего-то.

«Кто это был?» – Думал я, подходя к пакету и заглядывая в него.

– Ох, ёлки зелёные!!! – не удержался я от неожиданности, когда увидел полный пакет ещё живых раков!

Раков сварили в обед на пищеблоке и съели коллективом амбулатории.

Уже потом, через некоторое время, мне встретился на улице вылеченный рыбак и поинтересовался:

– Ну как раки? Может быть ещё принести как-нибудь?

Только тогда я понял, что это он принес презент за вылеченные ноги.

– Спасибо от всего коллектива больницы! А приносить больше не надо. Лучше как-нибудь возьмите меня с собой раков ловить!

Общее переохлаждение

Жизнь в деревне протекает медленно и однообразно. Что-то новое случается редко. Но уж если случится, то надолго останется в памяти.

На больницу, из бюджета администрации района, было выделено пятнадцать тысяч рублей по меркам 2005 года. На хозяйственные нужды. Посоветовавшись с коллективом, мы решили купить электроводонагреватель накопительного типа, а на остальные деньги сделали косметический ремонт в больнице – покрасили окна и двери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.